

ТАЛАНТ, ТРУД, МАСТЕРСТВО

К гастролям Ленинградского театра оперы и балета имени С. М. Кирова в Москве

В ЧЕМ секрет успеха спектакля «Спартак», только что показанного балетом Ленинградского театра имени С. М. Кирова?

Музыка Арама Хачатуряна. Исполнение заглавной роли Аскольдом Макаровым.

Музыка пылкая и лиричная. Полная могучей силы, трагичная и возвышенная, написанная во славу народной борьбы за свободу, она раскрывает сердце человеческого с правдивостью и глубиной необыкновенной.

Аскольд Макаров кажется самой природой предназначенным для партии Спартака. И не только потому, что его «фактура» — высокий рост, античное телосложение, мужественная пластика — уже готовый образ вождя восставших гладиаторов. Все эти действительно редкие внешние данные были бы бессильны решить сложнейшую задачу, поставленную перед артистом музыкой Хачатуряна, либретто Волкова, постановкой Якобсона, не сужей исполнитель сделать своего героя исторически и художественно достоверным.

Заслуга актера в том, что он достиг гармонии формы и содержания. В таком редко и трудно достижимом сплыве — объяснение успеха Макарова и всего

спектакля. Здесь же кроется «тайна», весьма грустная для москвичей: тот же балет, перенесенный на сцену Большого театра, не приняла столичная публика. Ни одному из московских танцовщиков не удалось в те дни воссоздать облик и характер героя балета на достойном идейном и эстетическом уровне.

Искусство Макарова глубоко идейно. Прекрасное в своих внешних проявлениях, оно всегда наполнено большой мыслью. И когда в сцене восстания рабов мы видим Спартака, идущего в бой, то перед нами словно оживает тот самый «великий генерал... благородный характер, истинный представитель античного пролетариата», о котором писал Маркс после прочтения книги Аллиана «Гражданские войны в Риме»...

Воспитанник советской хореографической школы, коммунист, большой художник, Макаров пылким и полон творческого горения. Готовясь выступить в балете Хачатуряна, артист много занимался в музеях и библиотеках, поехал в Грецию и Италию, чтобы собрать нужные материалы, без конца занимался в тренировочных классах. И вот результат: «Спартак» — самый завершённый, наиболее логически развивающийся образ балета.

Так — всегда. Его недавняя работа — Поэт в балете Якобсона на музыку Отказова и Фиртича «Клюн» — также была сопряжена с огромной затратой времени и энергии. Мало того, что был прочитан весь Маяковский. Все воспоминания о великом поэте, все известные рассказы, вся собственная актерская фантазия были «мобилизованы и призваны» на создание образа.

Совсем незадолго до гастролей всего коллектива ленинградцев на гастролях одного Макарова в Большом театре мы увидели его в «Лебедином озере» и «Дон-Кихоте».

Старые, лучшие классические балеты. Они требуют от актера безупречной музыкальности, соединения академизма с экспрессией, технической оснащенности в сольных вариациях, лучших качеств партнера в дуэтах, точности поз. И всем этим требованиям удовлетворил Аскольд Макаров.

Аскольд Макаров — танцовщик героического плана. Спартак, Маяковский, Батыр в «Шурале», Рыбак в «Береге надежды» и многие другие его роли современны по теме или по смыслу именно потому, что они монуменальны и воплощают героинку нашего времени, созвучны ему...

Фрондос в «Лауренсия», Филипп в «Пламени Парижа», Остап в «Тарасе Бульбе» — все образы героичны. Танцевальны и героичны! Зигфрид в «Лебедином озере», Базиль в «Дон-Кихоте» — это уж такая строгая классика, что исполнить ее может только тот, кто владеет всеми тайнами классической хореографии с полной свободой и почти с абсолютным совершенством. Именно героическое начало в искусстве Макарова помогает ему и здесь находить и доносить до зала нечто свое, только актеру присущее. Так, Зигфрид, наконец, утрачивает свою извечную «голубизну», обретая черты мужественности и отваги: «старый классический танец» наполняется новым содержанием.

Что касается Базилья, то здесь доказательством высокого мастерства ленинградца служит сравнение с другим мастером. Речь идет о Владимире Васильеве. Единодушно мнение, что такого великого Базилья еще не было. После громоподобных триумфов молодого артиста на сцене Большого театра — выйти на те же подмостки, в той же партии того же балета — свидетельство уже личной отваги... Признаться, было трудно представить себе, чем

окончится такой «поединок» для Макарова.

Он вышел из испытания с честью. Он отлично танцевал. Он имел успех, не уступавший успеху Васильева. Макаров создал свой образ, пользовался своей палитрой и пленил москвичей ярко индивидуальным решением давно известной роли. Она заиграла красками сочными, жизнерадостными, достоверными. Решенный в традиционном классическом ключе, образ веселого барселонского цирюльщика оказался истинно демократичным и, как положено, танцевальным от начала до конца. Испанский колорит, искренний темперамент, виртуозные сложности хореографии Горского — все было по плечу исполнителю.

«Крепндо восторга» — его нарастание — почти всегда сопровождается выступлениям Аскольда Макарова. Он никогда не позволяет себе «рассколотиться» после первых аплодисментов, как это случается на балетной сцене. Напротив, для самого артиста любые овации — всего лишь творческий стимул, и старание, самоотдача, радость сценического открытия для Макарова прямо пропорциональны успеху.

В. СОКОЛОВ.